

Вторая дочь, Янь Гуйчжоу, следовала за ней по пятам. Она была всего на два года младше своей старшей сестры, но всё ещё училась в старшей школе, где, должно быть, уже начался учебный год.

— Старшая мисс из семьи Янь? Моя подруга знакома с её приятельницей. Некоторое время назад, пока в университете не начались занятия, они вместе ездили за границу, кажется, вернулись всего пару дней назад.

Совпадает.

Цзян Сюэхэ произнесла «о», внутренний вопрос получил ответ. Она снова взглянула на человека, изображённого на рисунке, — воспоминания на самом деле уже немного потускнели.

Она небрежно отложила набросок в сторону и продолжила разбирать бумаги, лежащие ниже.

Подруга продолжала:

— Но ваши семьи: одна на юге, другая на севере, между вами практически нет ничего общего. С чего вдруг ты заинтересовалась делами её семьи?

Цзян Сюэхэ не собиралась трубить на каждом углу о подвиге старшей мисс Янь, поэтому лишь коротко ответила:

— Просто стало любопытно.

В самом деле, лишь капельку любопытно.

Подруга заметила:

— Немногие могут вызвать у тебя любопытство.

Просто так уж вышло, что она однажды приглянулась.

Цзян Сюэхэ улыбнулась, промолчал.

Подруга снова спросила:

— Хочешь, я помогу тебе разузнать о ней побольше?

Цзян Сюэхэ подняла голову, боковым зрением заметив плащ, небрежно висящий на вешалке у двери. Она помедлила секунду, проглотила готовое сорваться с языка «забудь», и, снова открыв рот, произнесла лишь одно простое слово:

— Хорошо.

Полгода назад, в такой же ранней осени.

Цзян Сюэхэ зашла в учебную мастерскую, чтобы забрать вещи. Большую часть она уже постепенно вывезла сразу после выпуска, но после того, как время от времени возвращалась в университет для участия в мероприятиях, в мастерской оставались кое-какие мелочи.

Незадолго до этого она приняла решение вернуться на родину, поэтому некоторые необходимые вещи нужно было окончательно упаковать.

Когда она заклеивала собранную коробку, в дверь постучала младшекурсница, с которой они были в хороших отношениях. В руках у неё была толстая стопка бумаг, слегка пожелтевших от времени.

— Это твои вещи? — младшекурсница протянула Цзян Сюэхэ стопку эскизов. — Только что разбирала шкаф, они лежали в самом низу. Похоже на твой стиль.

Цзян Сюэхэ когда-то тоже работала в этой мастерской, так что вполне могло быть, что она что-то здесь оставила.

Цзян Сюэхэ взяла их, пролистала пару раз и слегка замерла.

Это действительно были её собственные наброски. Не то чтобы полноценные коллекции, а в основном личные упражнения, сделанные под влиянием момента. Больше половины — пейзажи и портретные зарисовки.

Поскольку они лежали на самом дне шкафа и много лет никто их не трогал, они, на удивление, неплохо сохранились, если не считать того, что бумага слегка пожелтела.

Когда она дошла до середины, её взгляд упал на знакомый силуэт.

Янь Гуйцю.

За эти два года она уже привыкла к этому лицу — хотя и была знакома с ним лишь в одностороннем порядке, по фотографиям.

Дата в правом нижнем углу была отмечена чётко, и далёкие воспоминания вновь хлынули в сознание.

Увидев, что та застыла, младшекурсница снова спросила:

— Это твоё?

Цзян Сюэхэ пришла в себя, кивнула и благодарно улыбнулась:

— Это очень важные вещи. Я долго их искала и думала, что они потерялись. Спасибо тебе.

Младшекурсница замахала руками, говоря, что пустяки, а потом пробормотала с заботой:

— Если это так важно, обязательно храни это бережно.

Она видела выражение лица Цзян Сюэхэ, когда та смотрела на эскизы, и не сомневалась в том, что для неё это действительно «важно».

— Да, — Цзян Сюэхэ выразила одновременно стыд и согласие, — если бы я их потеряла, было бы очень жаль.

Всего лишь рисунок.

И хорошо, что это был всего лишь рисунок.

Проводив младшекурсницу, Цзян Сюэхэ с коробкой и стопкой эскизов вернулась домой. Заходящее солнце уже опускалось к горизонту, за балконом дрожала водная гладь, навевая чувство лёгкой, двусмысленной печали.

Цзян Сюэхэ прислонилась к перилам балкона, перелистывая рисунки, когда ей позвонила подруга.

После светской беседы в конце концов разговор переключился на Янь Гуйцю.

Для Цзян Сюэхэ и её подруги, которая занималась исследованием, Янь Гуйцю была невероятно загадочным человеком. Лишь пробившись сквозь густой туман, удавалось увидеть верхушку айсберга. Подруга — то ли из упрямства, то ли из искреннего любопытства к этой молодой девушке — все эти годы с поразительным упорством копала историю Янь Гуйцю.

В этот раз, кажется, действительно удалось кое-что прояснить.

— Когда в семье Янь начался тот переполох, она действительно приложила руку, но основная нагрузка легла на её отца. А вот тем, чем она занималась единолично и в полном объёме, была компания «Синлань», примерно с восьмого по шестой год назад.

— Восемь лет назад? Ей же ещё не было восемнадцати.

— Верно, четырнадцать лет. Поэтому она нигде не светилась напрямую, но те компании, что сотрудничали с ними теснее всего, прекрасно понимали: именно эта старшая мисс — настоящий кукловод «Синлань».

— Восемь лет назад... Господин Мэн тогда ещё лежал в больнице, верно?

«Синлань» — компания, изначально специализировавшаяся на дизайне одежды, была дочерним предприятием старого клана Мэн. Её называли в честь новорождённой дочери Мэн Синлань. К сегодняшнему дню её история насчитывает уже более сорока лет.

После того как Мэн Синлань стала совершеннолетней, это направление, естественно, перешло в её руки.

Через несколько лет после её замужества глава клана Мэн скончался от болезни, и в семье началась междоусобная борьба. К тому же нашлись заинтересованные лица, которые подливали масла в огонь. Несколько лет длился этот шумный хаос, в итоге всё, что можно было — продали, остальное — переделали. Бывший некогда могущественным клан пал в одночасье, и единственным, что сохранилось в целости, осталась эта компания в руках Мэн Синлань.

К несчастью, беда не приходит одна: автокатастрофа отправила Мэн Синлань на больничную койку. Она перенесла более десятка операций разной сложности и несколько лет провела в больнице, прежде чем едва смогла оправиться.

В тот период из-за последствий междоусобиц в клане Мэн — бегства высшего руководства, грязных слухов от конкурентов, хаоса в управлении, низкого качества продукции, а также невозможности председателя руководить компанией из-за травм — фирма оказалась на грани краха.

В такой ситуации никто бы не удивился, если бы они объявили о банкротстве или распродали всё на следующий же день.

Но результат превзошёл все ожидания.

Вскоре после того, как Мэн Синлань пришла в себя после аварии, она назначила доверенное лицо — исполняющего обязанности президента, который взял на себя все дела компании.

Даже невооружённым глазом было видно, что этот человек не обладал талантом, способным переломить ситуацию. Единственным его достоинством была преданность: он был обязан Мэн Синлань многим и не имел злых умыслов.

Однако с момента его прихода к власти последовала череда решительных действий,

проведённых с железной хваткой. Сверху донизу, преодолевая сопротивление, он провёл в компании масштабную чистку.

Такой хаос мог стать отличной возможностью, но людей, способных ею воспользоваться, было мало.

По крайней мере, этот доверенный управляющий не выглядел гением.

Но факты доказали, что большинство его решений были верными.

Всего за два года «Синлань» возродилась из пепла, поднявшись даже выше того уровня, на котором она была, когда Мэн Синлань только приняла дела.

С тех пор в индустрии все действия «Синлань» стали учебным пособием по спасению бизнеса, превратившись в настоящую легенду.

Если бы кто-то сказал этим людям, что настоящим творцом этой легенды была не госпожа Мэн и не сменивший её господин Хо, а четырнадцатилетняя девочка, никто бы не поверил.

Даже Цзян Сюэхэ поначалу не верила.

Четырнадцать-шестнадцать лет — в этом возрасте многие едва успевают усвоить основы управления бизнесом, находясь под крылом родителей. А тут — «стратегическое планирование»? Это звучит как полная чушь.

Тем более, если бы она была таким гениальным талантом, разве появилась бы она перед ней такой заурядной?

До того как она услышала от подруги историю семьи Янь, она считала Янь Гуйцю просто прилежной студенткой с обострённым чувством справедливости.

Не было никаких прямых доказательств того, что Янь Гуйцю обладает такими способностями.

Но некоторые партнёры по бизнесу были в курсе, и в частных беседах просачивались слухи. Просто они казались настолько невероятными, что никто не верил.

К тому же график её частых пропусков занятий полностью совпадал с тем временем, когда в компании происходили важные события. Многие говорили, что каждый раз, когда компания делала решительный шаг, можно было заметить старшую мисс.

Ходили даже шутки, что господин Хо, исполняющий обязанности президента, в своих делах

оглядывался на мнение старшей мисс.

...Из-за её возраста, из-за её решимости уйти в тень, при таком количестве доказательств никто не хотел докапываться до истины и уж тем более верить в это.

Цзян Сюэхэ не думала о нелепых историях вроде перерождения, но она верила в то, что видела своими глазами.

Она не могла не испытывать любопытства к этой легендарной фигуре.

Это было одной из причин, побудивших её вернуться на родину.

Подруга поцокала языком, удивляясь, а затем спросила Цзян Сюэхэ:

— Ты ищешь её, чтобы предложить сотрудничество? Но мне кажется, у неё нет ни малейшего желания развиваться в бизнесе. Сейчас она выглядит как обычная студентка.

Не говоря уже о том, сколько у неё осталось остроты ума и способностей после стольких лет бездействия...

— Вы друг другу никто, ты уверена, что сможешь убедить её помочь тебе?

— Нет, — ответила Цзян Сюэхэ.

— Что значит «нет»? — подруга опешила.

— Я не хочу сотрудничать, — сказала Цзян Сюэхэ. — Я просто хочу увидеть её своими глазами.

Увидеть этого гениального человека, который смог возродить компанию, стоящую на краю пропасти. Даже если бы она начала с нуля, она всё равно создала бы миф. У неё всё было в руках — имя, власть, деньги. Самые основные человеческие желания в её глазах казались чем-то незначительным.

Как может существовать такой человек?

Цзян Сюэхэ не могла этого понять.

Даже при всей своей «нежности» и «свободолюбии» она не могла признаться, что у неё нет ни капли жажды наживы или духа соперничества.

Она могла отказаться от многого, что имела, но не от всех своих козырей.

А Янь Гуйцю, казалось, могла.

Цзян Сюэхэ знала, что её мысли покажутся наивными, если их озвучить, но она не могла перестать думать:

Такой человек действительно удивителен.

Разумеется, в этом больше похвалы, чем осуждения.

Подруга же не могла этого понять. С его точки зрения, кроме живописи, которой Цзян Сюэхэ занималась с детства, она не стала бы делать ничего бессмысленного.

Желание увидеть человека без всякой причины, естественно, должно иметь под собой какую-то скрытую подоплёку.

Он внезапно вспомнил слух, который случайно услышал во время расследования: Янь Гуйцю была влюблена в девушку из своего университета.

— Ты... — мысли подруги невольно свернули не туда, голос слегка дрожал, — ты, ты не хочешь сказать, что...

— Что? — Цзян Сюэхэ не поняла его слов.

— Ты к старшей мисс Янь... — подруга помедлила пару секунд, перебирая в голове, кто мог бы понравиться Цзян Сюэхэ. Независимо от пола или характера, её внимание могли привлечь лишь те, кто был настолько силен, чтобы не нуждаться в спорах, но при этом действовал легко и непринуждённо.

Возможно, даже сама Цзян Сюэхэ не осознавала, что в глубине души она была довольно гордым и даже несколько высокомерным человеком.

Благодаря своему происхождению, кругозору и способностям она могла дружелюбно общаться с кем угодно, но ей было трудно по-настоящему подпустить кого-то близко к себе.

По сути, это была психология преклонения перед сильными.

Сила заключается не в статусе или славе, а в способностях и характере.

Считается ли Янь Гуйцю таковой?

Юный гений, наверное, считается.

— Я к старшей мисс Янь? — Цзян Сюэхэ поняла, что он имеет в виду. — Если спрашиваешь, что это за чувства, то, пожалуй... восхищение.

По крайней мере, до этого момента.

— Восхищение? — пробормотала подруга, не в силах понять, чего здесь больше — уважения или того самого «влечения».

— Я и сама не знаю, но я очень хочу её увидеть.

— Только это чувство было абсолютно ясным.

— Четыре года назад? — Янь Гуйцю замерла.

— Ты помнишь? — спросила Цзян Сюэхэ.

Четыре года назад был год, когда Янь Гуйцю сдавала вступительные экзамены в университет.

В тот год Цзян Сюэхэ уже два года как жила за границей, а Янь Гуйцю всё ещё была в семье Янь, хотя это был год, принёсший ей больше всего перемен.

Именно в тот год Янь Гуйцю решила окончательно отказаться от права на наследство, включая компанию со стороны матери, и вместо этого поступила на гуманитарный факультет, не имеющий ничего общего с управлением бизнесом.

Теоретически у них не могло быть никаких точек соприкосновения.

Если уж на то пошло, возможно, осенью того года Сун Аньчэнь, заметив, что у неё плохое настроение, воспользовалась тем, что занятия в университете ещё не начались, и насильно потащила её в путешествие за границу.

В той поездке они провели больше половины месяца, посетив столько стран, что не хватит пальцев на руках.

Вероятно, когда они были в одной из стран, они случайно встретились с Цзян Сюэхэ на улице.

Цзян Сюэхэ смотрела на неё. Янь Гуйцю очень хотела сказать, что помнит, но как ни пыталась найти это в памяти, так и не смогла вспомнить ничего подходящего.

Янь Гуйцю честно покачала головой:

— Не могу вспомнить.

Цзян Сюэхэ не показала разочарования и сказала:

— В этом нет ничего такого, что стоило бы запоминать. В то время я тоже не знала, что это была ты.

Янь Гуйцю, однако, немного расстроилась:

— Мы должны были познакомиться ещё тогда.

— Мы никогда не встречались, не договаривались о встрече, и то, что мы смогли встретиться в каком-то уголке за границей, уже само по себе можно считать судьбой, — Цзян Сюэхэ улыбнулась. — К тому же, даже если бы мы познакомились тогда, ты бы вряд ли «любила» меня так, как сейчас.

С их характерами, если бы они «узнали» друг друга тогда, возможно, они не стали бы даже друзьями.

Янь Гуйцю не влюбилась бы в Цзян Сюэхэ с первого взгляда, а Цзян Сюэхэ не проявила бы интереса к дочери какой-то там семьи.

Янь Гуйцю моргнула и, неожиданно ухватившись за скрытый смысл её слов, спросила:

— Значит, теперь ты меня любишь?

Цзян Сюэхэ ответила:

— Конечно.

Янь Гуйцю спросила:

— Какого рода эта любовь?

Цзян Сюэхэ сказала:

— Я не знаю.

— М-м?

— Если ты будешь открыто ухаживать за мной, я не буду чувствовать неприязни, — сказала Цзян Сюэхэ. — Но если ты потребуешь, чтобы я сейчас же стала с тобой встречаться, я, скорее

всего, откажу.

У Янь Гуйцю вспотели ладони, она была немного разочарована.

Она не хотела спрашивать об этом так рано, но, глядя на хорошо сохранившиеся эскизы, слова уже не могли вернуться назад.

Цзян Сюэхэ, очевидно, прекрасно понимала её чувства, и такая прямота была для неё неожиданной, но вполне понятной.

Никто из них не мог относиться к чувствам легкомысленно, в духе «поиграем и хватит».

Знакомы меньше месяца, и если опрометчиво заявить «я хочу провести с тобой остаток жизни», кто угодно усомнится в искренности.

— Даже если сейчас это искренне, кто может гарантировать, что через короткое время не угаснет страсть и не наступит пресыщение?

Они даже не успели толком узнать вкусы и предпочтения друг друга, не спросили даже даты рождения.

На данном этапе слова Цзян Сюэхэ о том, что она «не чувствует неприязни», были лучшим результатом.

Не чувствовать неприязни — можно сказать, испытывать симпатию.

Они могли легко бросаться словами о любви, вкладывая в них долю искренности, но до того, чтобы «быть вместе», было ещё далеко.

Янь Гуйцю вернула последний рисунок, не стала долго предаваться унынию, подняла голову, посмотрела на Цзян Сюэхэ и серьёзно сказала:

— Я буду стараться.

Стараться узнать её, стараться доказать свою искренность и надёжность.

Цзян Сюэхэ бережно положила эскиз обратно в деревянную коробку, слегка улыбнулась и произнесла:

— Хорошо.

Галерея официально открылась в выходные.

Первые два дня заходило немало студентов, чтобы поддержать, но в основном они просто смотрели, создавая видимость популярности. Когда ажиотаж спал, галерея снова опустела, и Сяо Хэ вполне справлялся с большинством посетителей.

Цзян Сюэхэ изначально не планировала делать галерею делом всей своей жизни, просто вернулась на родину и искала место, где можно обосноваться.

Госпожа Цзян приходила один раз, критически осмотрела всё вокруг, но особо придирается не стала. Она намеками говорила, что таким «бизнесом» можно заниматься и после замужества, это даже удобно — можно совмещать с заботой о семье.

Цзян Сюэхэ сделала вид, что не слышит. Стоило ей заикнуться о том, что через пару дней она поедет навестить дедушку, как лицо госпожи Цзян переменялось. Она больше не поднимала тему молодого господина Тан, лишь сказала, что если будут трудности — пусть не забывает обращаться к родителям и брату.

Посидев ещё немного, она сказала, что у неё дела с подругами, и поднялась, чтобы уйти.

Цзян Сюэхэ проводила её до аэропорта, а по дороге обратно случайно встретила Янь Гуйцю.

Янь Гуйцю стояла у аэропорта, ожидая машину.

— Красивая леди, не хотите подвезти? — Цзян Сюэхэ остановилась рядом и постучала в окно.

— Сестра Сюэхэ? — Янь Гуйцю замерла. — Что вы здесь делаете?

— Провожала маму, — коротко ответила Цзян Сюэхэ и спросила её: — А ты?

— Тоже, — Янь Гуйцю села на пассажирское сиденье и, пристегиваясь, сказала: — Моя мама улетала в командировку, мы как раз вместе пообедали, а после этого она сразу на самолёт.

Об этом она упоминала Цзян Сюэхэ и даже спрашивала, не хочет ли та присоединиться к обеду.

Цзян Сюэхэ сказала, что занята, и вежливо отказалась.

Янь Гуйцю думала, что она стесняется, но оказалось, что у неё действительно были дела.

Услышав, что это была госпожа Цзян, она сразу поняла причину плохого настроения Цзян

Сюэхэ.

Отношения в семье Цзян не были такими, как в сплетнях, где все улыбаются, держа нож за спиной, но и дружелюбными их было не назвать — возможно, когда-то они и были такими, но после того, как стало ясно, что Цзян Сюэхэ тоже может унаследовать семейный бизнес, в этой дружбе появилась трещина.

Госпожа Цзян не дошла до того, чтобы ненавидеть собственную дочь, и при выборе жениха действительно тщательно отбирала его по внешности и характеру. Но, в конечном счёте, сын был важнее, поэтому она так спешила выдать дочь замуж.

А Цзян Сюэхэ, очевидно, была не такой послушной, как она того ожидала.

В глазах Цзян Сюэхэ слова матери были самыми незначительными.

В конце концов, когда Цзян Сюэян довёл компанию до полного хаоса, будучи виновником этого, он заслуживал того, чтобы его вышвырнули из дома без гроша в кармане, а его должности, естественно, были отобраны пришедшей к власти Цзян Сюэхэ.

Госпожа Цзян пыталась шантажировать дочь семейными узами, плакала, устраивала сцены, требуя, чтобы та проявила родственные чувства и вернула компанию сыну. В ответ дочь посмотрела на неё, даже не моргнув глазом, и решительно лишила её всех номинальных должностей.

Семью из трёх человек буквально упаковали и выставили из компании.

Тех, кто осмеливался открыто критиковать её, она молча ставила на место. В конце концов, доведенная до безумия госпожа Цзян на публике несколько раз выставила себя на посмешище, превратившись в нелепое зрелище.

Были ли у Цзян Сюэхэ чувства к родителям и брату?

Конечно, были. Иначе она не пошла бы на уступки изначально, позволив брату исполнить желание — в том, что Цзян Сюэян пришёл к власти, победив дядюшек, была немалая заслуга Цзян Сюэхэ.

Но у эмоциональности Цзян Сюэхэ были границы. Если их перейти, она не пощадит даже родных отца и мать.

К этому моменту наглость госпожи Цзян уже начала её раздражать.

Зато это оказалось выгодно для неё самой.

Янь Гуйцю легко отвлеклась — даже если в будущем возникнет конфликт между свекровью и невесткой, Цзян Сюэхэ уж точно не встанет на сторону матери, не задумываясь.

<http://bllate.org/book/19089/1874654>